

СТАТЬИ

УДК 811.511.11'373.21 + 811.511.15'373.21 +
+ 811.511.13'373.21

О. В. Смирнов

К ВОПРОСУ О ПЕРМСКОМ ТОПОНИМИЧЕСКОМ СУБСТРАТЕ НА ТЕРРИТОРИИ МАРИЙ ЭЛ И В БАССЕЙНЕ СРЕДНЕГО ТЕЧЕНИЯ РЕКИ ВЯТКИ (В СВЕТЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР). 2*

Вторая часть статьи завершает начатый в первой части анализ субстратной (домарийской и дорусской) топонимии ареала еманаевской и кочергинской археологических культур второй половины I — начала II тыс. н. э. (бассейн среднего течения реки Вятки и территория Республики Марий Эл), предпринятый с целью проверки гипотезы о заселении в прошлом этих территорий древнепермским (древнеудмуртским) этносом. Эта часть статьи посвящена анализу топооснов. Для анализа использован метод этнического моделирования субстратной топонимии, который основан на методе семантического моделирования, разработанном А. К. Матвеевым. Суть примененного метода заключается в выделении типичных дифференцирующих основ, используемых в живой топонимии пермских языков, и сравнении с ними субстратного топонимического массива исследуемой территории. В результате анализа подтверждается предположение, высказанное в первой части статьи о том, что субстратная топонимия реки Вятки и территории Республики Марий Эл в подавляющей своей массе не связана с пермскими языками, а основным этническим элементом еманаевской археологической культуры второй половины I тыс. н. э. и предшественниками марийцев на этих землях были отнюдь не древние пермяне. Картографирование результатов «пермского» этнического моделирования подтверждает наличие обширной

* Первую часть статьи см.: *Вопр. ономастики*. 2013. № 2 (15). С. 7–59.

© Смирнов О. В., 2014

лакуны с отсутствием типичных дифференцирующих пермских основ на территории, где расположены основные памятники еманаевской и кочергинской археологических культур. Напротив, основная масса субстратных топонимов на всей исследованной территории сближается с волжско-финскими языками и отчасти с данными саамского и прибалтийско-финских языков. Высказывается гипотеза о том, что носители еманаевской культуры говорили на неизвестном вымершем финно-пермском языке, который был волжско-финским либо переходным между волжско-финскими и пермскими языками, не исключено также, что они могли говорить на разных диалектах (языках). В статье обращается внимание на некоторые фонетические особенности этого языка (языков), нашедшие отражение в географических названиях.

Ключевые слова: финно-угорские языки, волжско-финские языки, пермские языки, субстратная топонимия, Среднее Поволжье, Марий Эл, Кировская область, этногенез пермских народов, археологические культуры бассейна Вятки, еманаевская культура, кочергинская культура.

3. Анализ топооснов

Анализ и картографирование возможных пермских топоформантов, произведенное в первой части статьи, не позволяют убедительно выделить древний субстратный пермский слой в марийской топонимии, а, скорее, наоборот, заставляют усомниться в нем. В то же время, учитывая сказанное ранее о плохой сохранности иноязычных формантов в марийской топонимии, окончательные выводы делать преждевременно, необходимо обратиться к анализу основ топонимов и предположительным названиям пермского происхождения без пермских географических терминов.

Представляется, что для проверки «пермской» гипотезы лучше всего воспользоваться методом семантического (ономастического) моделирования [см.: Матвеев, 2001, 87–95], несколько сузив его и взяв для анализа только дифференцирующие пермские основы. Такой метод можно назвать методом «этнического моделирования». Он был с успехом применен А. К. Матвеевым для доказательства и ареального вычленения саамского субстратного пласта на территории Русского Севера [см.: Матвеев, 2004]. Значимым результатом этнического моделирования было бы наличие на исследуемой территории значительного количества (системы) таких дифференцирующих пермских основ и «подкрепленность» их регулярными фонетическими соответствиями.

Для проведения исследования нами были выделены 56 типовых дифференцирующих пермских (коми и удмуртских) топонимических основ (см. таблицу в приложении). Материалом для выделения основ послужила живая коми и удмуртская топонимия (словарь А. П. Афанасьева, работы М. Г. Атаманова [1988; 1996], словарь А. С. Кривошековой-Гантман, перечень удмуртских топонимов

в «Удмуртско-русском словаре», топографические карты), критерием выделения — дифференцирующий характер этих основ по отношению к марийскому языку и типичность их для коми и удмуртской топонимии. В связи с этим для анализа не использовались многие распространенные пермские основы, которые, однако, не являются дифференцирующими по отношению к типичным марийским, например: *из-* ‘камень, каменный’ и мар. *изи* ‘маленький, малый’; *коз-* ‘ель’ и мар. *кож* ‘ель’¹; *кузь-* ‘длинный’ и мар. *кужу* ‘длинный’; *кырныш-* ‘ворон’ и мар. *курныж* ‘коршун, ворон’; *луд-* ‘лужайка, поле’ и мар. *лудо* ‘утка’; *сим-* ‘ржавый’ и мар. *шем, шим* ‘черный’; *яг-* ‘бор’ и мар. *якте* ‘сосна’.

Из 56 выбранных дифференцирующих пермских основ нет соответствий в топонимии исследуемой территории у 20 основ, формальное соответствие обнаруживается у 19, из них девять выделяются с сомнением². Таким образом, более или менее надежно выделяется всего десять основ, при этом четыре относятся исключительно к северной части вблизи города Кирова, где присутствует удмуртская этнотопонимия и, по историческим сведениям, в XVII в. существовали удмуртские поселения (кировский микроареал удмуртских топонимов и этнотопонимов³).

Для указанных основ по «Краткому этимологическому словарю коми языка» [КЭСК] и «Этимологическому словарю уральских языков» [UEW] были реконструированы праформы. Наиболее значимым является то, что к упомянутым выше 19 основам необходимо добавить еще пять основ, которые имеют соответствие исключительно в прапермских формах (по «Краткому этимологическому словарю коми языка»). При вычленении топонимов, сопоставляемых с прапермскими формами, наиболее показательно отражение лабиализованного звука у (в марийских формах часто *y*) на месте праперм. **i*, к.-зыр., удм. *ы*:

— мар. р. *Вуль* (русская адаптация — *Виль*), ср. праперм. **vil* ‘новый’ [КЭСК, 72] или **vil* ‘верхний’ [Там же, 71];

— основа *кур(т/ш/ж)-* (мар. также *күр(ж)-*): р. и н. п. *Курба*, р. *Куртья*, р. *Куриша*, р. *Кюржа* (мар. *Күржо*), ср. праперм. **kir* [КЭСК, 153], к.-зыр. *кыр* ‘крутой берег, гора’, *кырт* ‘скала’, *кырув* ‘подножье горы’ [КРС, 358, 359], устар. *кырс* ‘обрывистый берег’ [Туркин, 1986, 58];

— основа *сул-/шул-* (мар. *шүль-*): р. *Сулвайка* (на западе Удмуртии), р. *Шуля* (мар. *Шүльö вүд*), оз. *Шүльöер*, ср. праперм. **sül-* ‘таять’ [КЭСК, 267–268];

¹ Необходимо учитывать то, что в марийском языке этимологические свистящие звуки перешли в шипящие, причем процесс этот имел место достаточно поздно (во II тыс. н. э.), поэтому должен был отразиться в топонимах, заимствование которых предполагается в более раннее время.

² Сомнительные факты в основном связаны с тем, что в ходе исследования выявилась возможность омонимии основ с фактами других финских языков, например, *луя-*, ср. мар. *луй* ‘куница’; *шуй-/шой-*, ср. прасаам. **šōjē* ‘рябина’ [YS, 130–131] и др. Строго говоря, такие сомнительные факты следовало бы исключить из сравнения, однако на данном этапе для полноты материала мы их пока оставляем.

³ См. в первой части статьи раздел 2.1 о топонимии вероятного удмуртского происхождения.

— основа *тул-*: р. *Тула*, р. *Тулубайка*, ср. праперм. **tūla*, удм. *тыло* ‘подлесок, роща’ [КЭСК, 292].

Аналогичным образом мог усваиваться звук в соответствии с праперм. **ġ*, ср. н. п. *Люмпанур* и р. *Люметь* со звуком ‘у’ (возможно, мар. *ɯ* в русской адаптации), ср. праперм. **lġm*, к.-зыр., удм. *льӧм(ну)* ‘черемуха’ [КЭСК, 167].

В лингвогеографическом плане исследуемый ареал, совпадающий в общем и целом с ареалом еманаевской археологической культуры (по Р. Д. Голдиной [2004]), при пермском этническом моделировании распадается на три части (см. карту⁴):

1) северная — кировский микроареал удмуртских топонимов и этнотопонимов;

2) центральная — нижнепижемская и левобережная кировская лакуна, здесь топонимов с типичными дифференцирующими пермскими основами практически не отмечено, за исключением единичных сомнительных фактов;

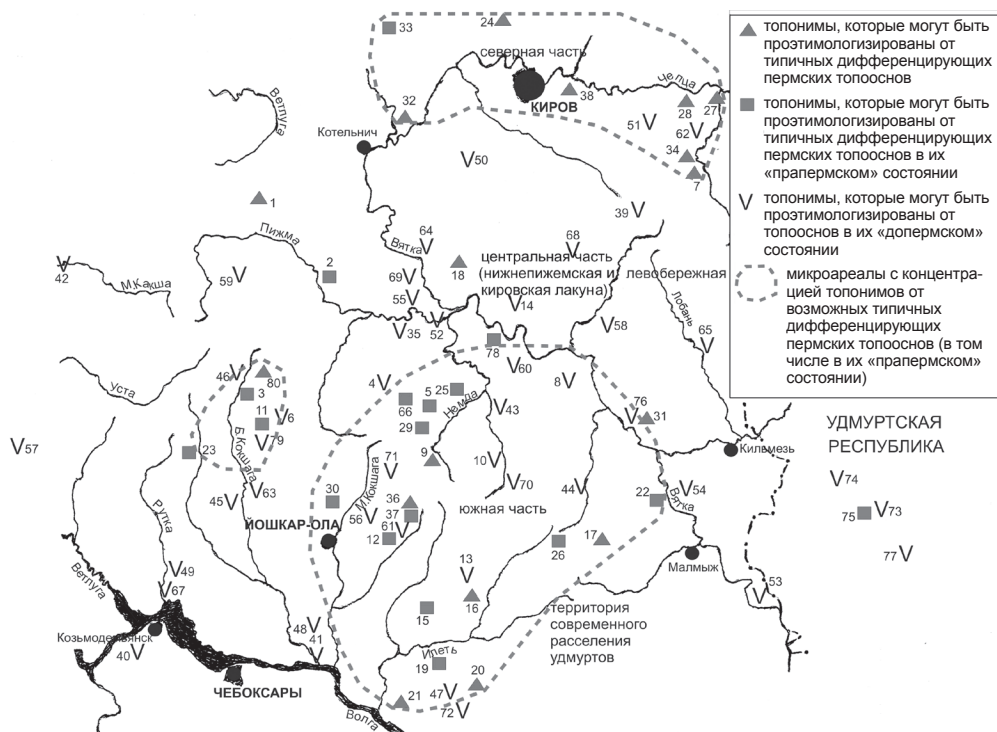
3) южная — микроареал топонимов с дифференцирующими пермскими основами, имеющими, главным образом, прапермские фонетические черты.

Нетрудно заметить, что картина практически совпадает с той, которая наблюдалась нами выше (в первой части статьи) при наложении на карту возможной удмуртской этнотопонимии и топонимии. Очевидно, что северный кировский микроареал связан с достаточно поздним удмуртским заселением, а южный микроареал — с ранее выделенным архаичным (древнеудмуртским?) ареалом «Одо» и юго-востоком Марий Эл, соседствующим с территорией современного расселения нижневятских удмуртов. В этой связи ряд обозначенных в южной части топонимов, в том числе и с прапермскими фонетическими чертами, может принадлежать ареалу «Одо» (р. *Виль*, р. *Люметь*, н. п. *Пележдур*, р. *Пилюска*, р. *Тула*, р. *Тулубайка* и др.).

Важным фактом является то, что при картографировании дифференцирующих пермских топооснов так же, как и при поиске собственно удмуртских топонимических следов, подтверждается наличие лакуны в центральной части еманаевского ареала (нижнепижемская и левобережная кировская лакуна). Значительное число основ здесь, в том числе повторяющихся, — непермские и объясняются из других финских языков, например:

р. *Андура*, ср. мар. *ӓнгӓр*, *энер* ‘речка’ (что касается адаптации в русском языке сочетания *-нг-* как *-нд-* и лабиализованного гласного во втором слоге (древнемарийская особенность?), ср. р. *Кашкендур* из мар. *кашка* ‘быстрый’ и *ӓнгӓр*, *энер* ‘речка’);

⁴ На карту не нанесены сомнительные топонимы, помеченные в приложении знаком вопроса, поскольку их картографирование перегружает карту, при этом принципиально ничего не меняя.

Топонимы, образованные от типичных дифференцирующих пермских топооснов

Обозначенные топонимы:

1) р. Азваж / Ажваж	19) р. Курша (мар. Куршо)	38) н. п. Черные Чежеги и Белые Чежеги	59) р. Рубеж
2) р. Тула	20) мар. р. Азэнгер	39) н. п. Юньга	60) р. Рынка
3) р. Люя	21) мар. р. Сизэнгер и оз. Сиз эр	40) р. Юнга (мар. Ёынгы)	61) р. Ронга
4) р. Сердежанка и н. п. Сердеж	22) р. Аджимка (мар. Аджим вуд)	41) р. Б. и М. Кокшага (мар. К., И. Какшан)	62) р. Пычига
5) р. Курша и н. п. Куршенер	23) н. п. Люмпанур	42) р. Какша	63) р. Пижма
6) р. Тюмберь	24) р. Бадья	43) р. Кокша	64) р. Неньга
7) р. Лема	25) р. Курба	44) р. Кокса	65) р. Сердик
8) р. Сердежка	26) н. п. Курба	45) р. Кученерка (мар. Кучэнгер)	66) р. Люметь
9) н. п. Чуксола (мар. Чүксола)	27) р. Коса	46) р. Пижанья	67) р. Рутка (мар. Рёде)
10) р. Сердяжка (мар. Шердыж)	28) р. Косинка	47) р. Поча	68) р. Вончаз
11) р. Куртя / Куртейка	29) р. Виль (мар. Вўль)	48) бол. Пуч куп	69) р. Кокшага
12) р. Шуля (мар. Шўльё вуд)	30) н. п. Пележдур	49) р. Пуча	70) р. Пижайка
13) н. п. Сердеж	31) р. Пилюска	50) р. Пыча	71) р. и н. п. Лованер
14) р. Пычуг	32) бол. Чижковое Болото	51) р. Пыжа и р. Пыжанка	72) оз. Лованерьер и р. Лу вуд
15) оз. мар. Шўльёбер	33) н. п. Забайдуг (*р. Байдуг)	52) р. Пижма	73) р. Нылга
16) н. п. Азыл	34) р. Кара	53) р. Пыжманка	74) р. Пижил
17) р. и н. п. Сизнер (мар. р. Сизэнгер и н. п. Сизнур)	35) р. Пижанка	54) оз. Пиж и р. Пижанка	75) р. Сулвайка
18) р. Лемешка	36) н. п. Чумбар	55) р. Пижанка	76) оз. Староречье Пижаны
	37) р. Кюржа (мар. Кўржо)	56) н. п. Пючимар и р. Пюча	77) р. Пычас
		57) р. Поек	78) р. Тулубайка
		58) р. Рыбас	79) р. Шердыш
			80) ? р. Чумоскваш

н. п. *Вашикирень* (< **Вашитирень?*), ср. мар. *ваштар* ‘клен’, ф.-волж. **wakštze* ‘клен’ [UEW, 812] + характерный волжско-финский суффикс притяжательных прилагательных *-н(ь)*;

р. *Вончаз* (на ней н. п. *Перелаз*), ср. ф.-у. **wanča-* ‘переходить’ [UEW, 557], мар. *вончаш* ‘переходить’, *вончак* ‘брод’ и луг *Вончес* на Русском Севере [Матвеев, 2006, 150];

р. *Козловаж*, ср. мар. *кожла* ‘лес, лесной’ (< **козла* ‘ельник’) + мар. *важ*, *вож* ‘корень’ (> ‘приток реки, источник’);

оз. и н. п. *Коктыш*, ср. мар. *кок*, *кокыт* ‘два’, ф.-у. **kakta / kaktä* ‘два’ [UEW, 118], где *-(ы)ш* — суффикс, ср. топонимы с этим же суффиксом в исследуемом регионе: р. *Кундыш*, р. *Нолгаш*, р. *Постаи* и др.;

р. *Кювер*, ср. мар. *кү вер* ‘каменное место’ или *күвар* ‘мост’;

р. *Лавра*, р. *Лавранка*, ср. мар. *лавыра* ‘грязь, грязный’;

р. *Листра*, ср. ф.-волж. **lešte* ‘лист’ [UEW, 689], мар. *лыстанпунчö* ‘лиственница’, с суффиксом *-р*, характерным для марийского языка (ср. мар. *тумер* ‘дубрава’ от *тумо* ‘дуб’);

р. *Немда*, н. п. *Нема*, старица *Казнем*, ср. фин. *niemi* ‘мыс’⁵;

р. *Песнигер*, ср. мар. *писе* ‘быстрый’ и *энер* ‘речка’;

р. *Пислемка* (рядом р. *Пазялка*), ср. ф.-у. **pičla*, мар. *пызле*, морд. *пизёл*, *пизел*, при удм. *палэзпу* ‘рябина’ [UEW, 376];

н. п. и р. *Пуга* (три названия), ср. редкий формант *-пога* на Русском Севере, фин. *rohja* ‘основание, конец’ [см.: Матвеев, 2001, 242–243]; исходя из физического свойства всех обозначаемых реалий в местной субстратной топонимии для данного термина можно реконструировать значение ‘вершина’, ср. также г. *Пуга* в бассейне Кильмези с параллельным названием *Вырйыл* от удм. *вырйыл* ‘возвышенность, вершина холма’ [см.: Кириллова, 2002, 118, 295];

оз. *Шуван*, ср. морд. *сёвонь*, мар. *шун* ‘глина’;

топонимы с основой *шунд-* (р. *Шундыш*, оз. *Шундерь* и др.), ср. прасаам. **suntē* ‘талый’ [YS, 126–127];

р. *Яранка*, р. *Еранка*, р. *Ярань*, ср. мар. *ер*, *йәр* ‘озеро’ с суффиксом притяжательных прилагательных *-Vн(ь)*, продуктивным в волжско-финских языках, ср. также структурно идентичное название р. *Яхронка* на исторических мерянских землях от **яхр* ‘озеро’.

Таких примеров много. Важными для этнической идентификации являются следы сохранения финно-волжского сочетания **kš*, что наблюдается в эрзянском языке и, возможно, было характерно для древнемарийского и других древних волжско-финских диалектов, например: 1) н. п. *Покста* и р. *Покиста* (берет

⁵ Естественно, что все приводимые здесь и далее сравнения с финским, саамским и другими финскими языками означают лишь родство со словами данных языков, а не присутствие представителей данных народов.

начало возле реч. *Липовка*), ср. морд. *Э некше*, мар. диал. *пиште*, ф.-волж. **pākšnā* ‘липа’ [UEW, 726], звук *o* — результат процесса лабиализации, характерного для восточной части древнего финно-пермского языкового ареала, **šn > *št* находит аналогии в прамарийском; 2) суффикс *-Vки* (см. р. *Ирыки* ниже).

Поскольку основные памятники еманаевской и кочергинской археологических культур находятся как раз в центральной части, то складывается впечатление, что, по крайней мере, центральная часть «еманаевцев» не была пермскими. В то же время южный микроареал с отдельными топонимическими включениями, похожими на древнепермские (или прапермские), противопоставлен основным памятникам еманаевской и кочергинской археологических культур и, по сути, занимает лишь их периферийную юго-западную окраину, причем значительная часть этих включений, вероятно, связана с ареалом «Одо», т. е. имеет более позднее происхождение.

Ключевой для решения вопроса об этнической интерпретации субстратной топонимии исследуемой территории является фиксация здесь в большом количестве пермских дифференцирующих основ в их формальном состоянии, соотносимом с «допермским» (12 основ из анализировавшихся 56 дифференцирующих пермских). Некоторые примеры:

— р. *Нылга*, без отпадения конечных гласного и согласного, ср. урал. **nulkz* [UEW, 327], мар. *нулго* при к.-зыр. *ньывпу*, удм. *нылпу*, праперм. **nül-pu* ‘пихта’ [КЭСК, 198];

— основа *пыч-/пыж-/пич-/пыжм-* (очень частотная основа): р. *Пыча*, р. *Пычуг*, р. *Пыжа* (*Пыжанка*), р. *Пижанка* (четыре названия), р. *Пыжма*, р. *Пыжманка* (на ней н. п. *Сосновка*) и др. с допермским вокализмом (до лабиализации корневого гласного) и в большинстве случаев без суффикса *-м*, ср. ф.-перм. **pečä / *penčä* [UEW, 727], при праперм. **požet* ‘сосна’ [КЭСК, 223], в отношении сужения корневого гласного ср. морд. *пиче*, мар. Г *пйнжй* ‘сосна’;

— р. *Пижил* (удм. *Пазал*), р. *Пазялка* (два топонима) с допермским консонантизмом, т. е. без метатезы, ср. ф.-у. **pičla* [UEW, 376], мар. *пызле*, морд. *пизёл*, *пизел* при удм. *палэзпу*, к.-зыр. *пелысь*, праперм. **peliž' / *pēliž'* ‘рябина’ [КЭСК, 218];

— р. *Рыбас*, ср. ф.-у. **repä(-čz)* [UEW, 423], мар. *рывыж*, морд. *Эривесь* ‘лиса’ (передача билабиального *w > b* при русской адаптации — обычное явление), при к.-зыр. *руч*, удм. *žичы*, праперм. **ršč'* ‘лиса’ [КЭСК, 248];

— основа *серд-*: н. п. *Сердеж* (два топонима), р. *Сердежка*, р. *Сердяжка*, р. *Сердик*, без лабиализации корневого гласного, ср. доперм. **sertz* при праперм. **sōrd*, к.-зыр. уст. *сopд*, удм. *сурд* ‘роща’ [КЭСК, 261];

— н. п. *Шеньжа* (мар. *Шенше*), р. *Шиньша* (мар. *Шенше*), бол. *Шенше куп*, н. п. *Шинишедур*, р. *Шенишха* с отсутствием денализации, ср. морд. *Э шенже*, ф.-у. **čečz ~ *čepčz* [UEW, 58], при удм. *čōж*, праперм. **čēž* ‘утка’ [КЭСК, 310];

— р. *Юнга* (мар. *Йынгы*), н. п. *Юньга* с отсутствием денализации, ср. доперм. **jŋkz*, при к.-зыр. *югыд* ‘светлый, чистый, прозрачный’ [КЭСК, 334].

Ряд основ, которые не анализировались в перечне 56 типовых, так как у нас мало фактов их представленности в живой коми и удмуртской топонимии, также выступают на исследуемой территории в форме, сопоставимой с «допермской», например:

— р. *Рутка* (мар. *Ry̋de*), без отпадения конечного согласного корня, ср. ф.-у. **rate (rote)* ‘дым, туман (поднимающийся с ручьев)’ [UEW, 420], при к.-зыр. *ру*, праперм. **ru* ‘дым, горячий пар’; в пользу данной этимологии — р. *Рыта* на севере Кировской области в верхнем течении р. Кама⁶, которая вытекает из болота *Дымного*, а также встречающиеся названия типа реч. *Дымная* в окрестностях Котельнича. В этой связи интересно, что в верховьях реки Рутки берет начало р. *Большой Кундыш* и ее верхний приток р. *Киндюк*, ср. урал. **kinte (küntə)* ‘туман, дым’, удм. диал. *čij-kid* ‘туман’ [UEW, 158];

— р. *Рынка* с отсутствием деназализации, ср. ф.-у. **renkz* ‘теплый, горячий’ [UEW, 422], к.-зыр. *регыд* ‘быстро’, удм. *жог* ‘горячий, быстрый’, этимология подтверждается тем, что в верховьях р. *Рынка* берет начало речка, на которой расположен н. п. *Песемерь* (< мар. **Писе энер* ‘быстрая речка’), т. е. можно предположить такое же семантическое развитие финно-угорской основы в языке-источнике, как в пермских языках. Учитывая соответствие корневых гласных *u/ы* в центральной части гласным *o/у* в юго-западной части еманаевского ареала (см. ниже), сюда же относятся р. *Ронга*;

— р. *Сутьма* (*Сикма*), ср. доперм. **söttš-*, праперм. **sot-*, удм. *сумыны* ‘сжечь, поджечь’ [КЭСК, 262], и причастие от этой глагольной основы: удм. *сумэм* ‘подожженный’. Топоним отражает вокализм до пермской лабиализации. Вариант *Сикма* может сохранять некоторые особенности непермского консонантизма этого слова, ср. мар. *čüktem* ‘сгноить’, которое иногда также относят к этому гнезду слов [КЭСК, 262].

Топонимы, сопоставляемые с «допермскими» формами, расположены как в центральной, так и в южной части и охватывают почти весь ареал еманаевской археологической культуры (см. карту). Они образуют единый массив с многочисленными непермскими субстратными названиями и свидетельствуют в пользу непермского характера этой археологической культуры второй половины I тыс. н. э.

Необходимо также учитывать, что факты, формально сопоставляемые с «прапермским», совершенно не обязательно являются таковыми, а могут относиться к родственным непермским языкам. Об этом свидетельствует фиксация топонима н. п. *Забайдуз* (< *р. *Байдуз*) в бассейне р. Хвощевица в районе города Киров, ср. праперм. **bajd*, к.-зыр., удм. *бадь* ‘ива’ [КЭСК, 35]. Вроде бы это чисто «прапермский» языковой факт, однако вопрос усложняется тем,

⁶ Совпадение с к.-зыр. *рыт* ‘вечер, запад’, видимо, случайное, так как речка течет и впадает в Каму с юга.

что этот топоним может принадлежать юго-восточной части ареала гидронимии на *-юг* (ср. на этой же территории р. *Лондюг*, р. *Матюг*), которая, как показал А. К. Матвеев, была оставлена носителями вымершего непермского языка, вероятно близкого саамскому, условно названного им южанским языком [см.: Матвеев, 2007, 172–180]. Это подтверждается фиксацией топонима р. *Пайдуг* в бассейне р. Юг (приток Сухоны) в центре южанского ареала, тем более что других лексем для обозначения ивы в южанской топонимии не отмечено. Озвончение *п > б* на юго-восточной периферии южанского ареала могло быть результатом более позднего развития, аналогичного соседним пермским языкам.

В этой связи примечательно, что многие из вроде бы «прапермских» основ, фиксируемых в южной части исследуемой территории, не только формально совпадают с их «допермским» состоянием («финно-пермским», по словарю UEW), но и сохраняются в некоторых родственных финских языках (например, основа *кур-*, ср. мар. *курый* ‘гора’; *сул-/шўл-*, ср. мар. *шулаш* ‘таять’). Логично предположить, что не только те топонимы, которые сопоставляются с «допермским», но и многие из тех, что формально соотносятся с «прапермским» состоянием, в действительности «пермскими» не являются, а принадлежат неизвестному родственному субстратному языку (или разным языкам). Такого происхождения могут быть топонимы р. *Аджимка*, р. *Курба*, р. *Куртья*, р. *Куриша*, р. *Шуля*, н. п. *Чуксола*, н. п. *Чумбар*, р. *Чумоскваш* и др. (см. приложение).

Южный микроареал топонимов с дифференцирующими пермскими основами, имеющими, главным образом, прапермские фонетические черты, по нашему мнению, объясняется двумя причинами: 1) наличие суперстратного (или адстратного по отношению к марийскому) ареала «Одо»; 2) домарийский непермский субстрат, в котором присутствовали лексические изоглоссы, объединяющие его с пермскими языками.

Сказанное выше позволяет усомниться в идее археологов о пермском (удмуртском) «автохтонизме» на данной территории и заставляет искать объяснение местной субстратной топонимии в иных, «непермских» языковых источниках. В пользу этого:

1. Имеется значительное число субстратных топонимов без деназализации по всему еманаевскому ареалу, включая его южную часть, где встречаются названия, формально совпадающие с «прапермским» (основы *анд-*, *вонч-*, *кунд-*, *немд-*, *рынк-/ронг-*, *сенд-*, *унд-*, *шунд-/сунд-*, *шеньж-/шиньш-* и др.). Это важный аргумент против удмуртского «автохтонизма». В противном случае нужно было бы предполагать усвоение таких топонимов древними марийцами еще в допермское время (не позднее рубежа эр), когда процесс деназализации в прапермском еще не начал действовать. Если принимать версию удмуртского «автохтонизма», то для объяснения «допермских» и последующих «прапермских» топонимов необходимо будет признать, что прамарийцы появились на этих территориях еще

в допермское время (а соответственно задолго до «еманаевского» периода) и жили совместно с прото- и прапермскими здесь чересполосно более тысячелетия, постепенно усваивая топонимы сначала в допермской форме, потом в прапермской, потом в удмуртской. Это предположение весьма смело и маловероятно. Более того, при этом непонятны факты, когда есть «допермские» топонимы (например, с основой *пуж-*/*пужм-*, *серд-*), но нет прапермских (**пожм-*, **сорд-*) и удмуртских (**пужм-*, **сурд-*).

2. Подавляющее число повторяющихся основ в южной части еманаевского ареала так же, как и в центральной части, — непермские и находят объяснение в других финских языках, например: основа *нурм-/норм-* (р. *Нурма*, р. *Норма*), ср. ф.-у. **nurme*, фин. *nurmi* ‘луг’ [UEW, 328]; основа *рой-/руй-* (р. *Ройка*, р. *Руя* / мар. *Руй*), ср. фин. *roju* ‘мусор, хлам’, эст. *roju* ‘гнилой’; основа *шап-* (р. *Шапинка* / мар. *Шапэнер*, оз. *Шап*, н. п. *Шапмучаки*), ср. ф.-волж. **šara* [UEW, 783], мар. *шопке*, *шапке* ‘осина’; основа *шенъж-/шинъш-/шениш-* (мар. *шенние-*) (примеры топонимов см. выше), ср. морд. Э *шенже* ‘утка’ и р. *Шиньжеляй* в Мордовии; оз. *Шильмаер*, ср. урал. **šilmä*, морд. Э *сельме* ‘глаз’ + мар. *ер* ‘озеро’, в субстратной мордовской топонимии основа выступает в названиях озер, ср. оз. *Шильма* в Рязанской области.

3. Типичные дифференцирующие пермские основы, в том числе с прапермскими фонетическими чертами, представлены в еманаевском ареале очень избирательно (всего 24 из 56 исследованных, из них девять сомнительно), при этом большинство важных основ не представлено, например: *ай-* ‘отец’, *бадъым-* ‘большой’, *важ-/вуж-* ‘старый’, *веж-/вож-* ‘зеленый; священный’, *гондыр-* ‘медведь’, *гудыр-* ‘мутный’, *дзоль-* ‘малый’, *ди-* ‘остров’, *еджыд-* ‘белый’, *ичёт-* ‘малый’, *катыд-* ‘верхний по течению’, *кёин-/кион-* ‘волк’, *лёк-/лек-* ‘плохой’, *лун-* ‘южный’, *мича-* ‘красивый’, *ньыл-* ‘пихта’, *пи-* ‘осина’, *пожым-* ‘сосна’, *руч-* ‘лиса’, *ули-/улын-/улыс-* ‘нижний’, *ыджыд-* ‘большой’, *эж-/ож-* ‘дерн, целина, трава’, *юсь-* ‘лебедь’ и др. Этот факт, на наш взгляд, не менее значим, чем отдельные пусть даже и весьма яркие совпадения. Особенно важно отсутствие основ с пермскими названиями некоторых деревьев при наличии таких основ, сопоставимых с волжско-финскими языками. Например, не замечено нами основы *бадяр-* при наличии *ваштр-/вашкир-* ‘клен’; основы *беризь-* при наличии *покст-/покишт-/пишт-* ‘липа’; основы *пожым-* при наличии *пыч-/пыж-/пуж-* ‘сосна’. Значимым представляется также отсутствие пермской лексемы со значением ‘озеро’ (*ты*) при наличии волжско-финской (*яр-/ер-/ур-*).

4. Значительное число прапермских этимологий не находят лексического продолжения в удмуртском (например, основы *аз-/аж-/адж-*, *кур-*), а характерны для коми диалектов; в то же время многих типичных дифференцирующих удмуртских лексических параллелей (*бадъым* ‘большой’, *бадяр* ‘клен’, *гондыр* ‘медведь’, *куа* / *куала* ‘святилище’ и др.) на исследуемой территории нет, что выглядит очень странно с точки зрения гипотезы об удмуртском «автохтонизме».

5. Есть случаи, когда вроде бы пермская основа сочетается с непермским (волжско-финским) суффиксом: р. *Ирыкиш*, ср. мар. *ераиш* ‘озерко’ (< **еракиш*), от *ер* ‘озеро’ (все топонимы *Ирыкиш* так или иначе связаны с озерами). Это наталкивает на мысль, что основа *ир-* (р. *Ир*, р. *Ировка* и др.) лишь случайно совпадает с к.-зыр. *йыр* ‘омут’, а в действительности восходит к другому этимону, например к слову со значением ‘озеро’. По этой же причине непермской по своему происхождению может быть и основа *чум-* в топониме р. *Чумоскваиш* (< **Чумоксваж*), ср. название р. *Чумокиша* в междуречье рек Ветлуга и Кержанец. В топониме н. п. *Чумбар* основа *чум-* также сочетается с формантом *-бар*, который имеет непермский вокализм, ср. прасаам. **vāre* ‘гора’ [см.: Матвеев, 2004, 219], мар. *варыиш* (**вар*) ‘возвышенность’ [ТРМЭ, 138–139], р. *Варваж* (в бассейне р. Ветлуга), при праперм. **vōr*, удм. *выр* ‘возвышенность’ [КЭСК, 67].

Ответ на вопрос о языковой принадлежности субстратной топонимии бассейна среднего и нижнего течения реки Вятки и междуречья Вятки и Ветлуги в свете отрицания ее пермского характера на настоящем этапе исследования остается открытым и выходит за рамки данной работы. Для определения возможных путей решения можно высказать некоторые наблюдения:

1. Ввиду значительного числа непермских этимологий, поддерживаемых фактами марийского и мордовского языков, можно сделать осторожное предположение, что древние субстратные языки (или диалекты) «еманаевского» времени в бассейне р. Вятки были волжско-финскими либо переходными между волжско-финскими и пермскими языками. Выдвигаемая гипотеза о волжско-финской этнической праистории в Ветлужско-Вятском междуречье позволяет искать этимологии топонимов на исследуемой территории не столько в пермских, сколько в волжско-финских языках. Так, например, топонимы *Покста* / *Покишта* являются ключом для этимологизации названия р. *Постаиш* (приток р. Рутка) (< **Покстаиш* ‘липовка’, с утратой звука *к*, возможно, уже при марийской адаптации). Относительно исхода *-иш* в этом названии ср. суффикс *-и* в топониме р. *Нолгаиш*, от слова, родственного мар. *нолго* ‘ильм’ или мар. *нулго* ‘пихта’ [ТРМЭ, 228]. Примечательно, что недалеко от р. *Постаиш* есть р. *Пиштань* (от мар. диал. *пиште* ‘липа’ + марийский суффикс прилагательных *-ан*), которая прямо указывает на домарийский характер названия *Постаиш* из родственного, но иного диалекта или языка. Другой пример: в бассейне р. Пижма в районе концентрации памятников еманаевской археологической культуры замечена пара топонимов р. *Шембеть* и р. *Пембетка*. В топониме *Шембеть* без труда выделяется мар. *шем* ‘черный’ и *-беть*, сопоставляемое с мар. *вўд* ‘вода, река’ (с точки зрения структуры ср. р. *Пувид* — русская адаптация марийского топонима р. *Пу вўд*), об адаптации билабиального *w > б* ср. выше р. *Рыбас*. Примечательно, однако, что формант *-бет(ь)* по своему фонетическому облику ближе к морд. *ведь* и исходному ф.-у. **wete* ‘вода’ [UEW, 570]. На то, что эти два названия могут быть не марийскими, а из родственного древнего диалекта

(языка), указывает топоним *Пембетка*, основа которого находит соответствия не в марийском, а в фин. *piteä*, к.-зыр. *пемыд* 'темный'. Пара топонимов *Шембет* и *Пембетка* показывают, как в местной субстратной топонимии переплелись элементы, находящие соответствие то в волжско-финских, то в пермских языках. Типологически это очень напоминает ситуацию Русского Севера, где в некоторых топонимических пластах переплетаются элементы, находящие соответствие то в прибалтийско-финских, то в саамском языках, что решается предположением о существовании в прошлом особой группы вымерших севернофинских языков, родственных прибалтийско-финским и саамскому [см.: Матвеев, 2007, 198–235].

2. Кроме этого, в ареале еманаевской культуры, вероятнее всего, существуют и другие топонимические слои:

— севернофинский: северная часть вятской гидронимии на *-Vк/-Vг* (см. первую часть статьи);

— древнемарийский: топонимы типа р. *Андура*, р. *Варваж*, н. п. *Вашикренъ*, н. п. *Кожя*, р. *Кювер*, р. *Лавра*, р. *Листра*, р. *Песнигер*, р. *Синчуваж*, р. *Чадра* — все эти топонимы с левобережья среднего течения Вятки и из бассейна среднего течения Ветлуги;

— неизвестный волжско-финский (парамордовский): р. *Вергеза*, р. *Вышкаръ*, р. *Инея*, р. *Ройка*, р. *Шембет*, бол. *Шенше куп*, р. *Шенишка*, оз. *Шильмаер* — эти топонимы с правобережья Вятки и тяготеют к юго-западу;

— древнеудмуртский (ареал «Одо»);

— возможно, также какой-то парапермский (р. *Рынка*, р. *Сердяжка*, р. *Сердежка*, р. *Ситьма*) в южной части еманаевского ареала.

В качестве подтверждения многослойности топонимии примечательно отсутствие мягкого звука *s'* в начале слова в гидрониме р. *Суна* (в бассейне левобережья среднего течения Вятки), ср. к.-зыр. *сюн* 'глина, ил', мар. *шун* 'глина'. Этот топоним находится в ареале вятской гидронимии на *-Vк/-Vг*, однако, как было проанализировано выше, начальное *c'* в соответствии с праперм. **ś* было присуще языку гидронимии на *-Vк/-Vг* (ср. р. *Сюныг*), следовательно, топонимы типа р. *Суна* могут принадлежать другому, более позднему слою топонимии, возможно, относящейся к кругу древнемарийских диалектов.

3. Из языковых черт субстратной топонимии ареала еманаевской культуры обращает на себя внимание тенденция к сужению гласных (р. *Листра*, р. *Рыбас*, р. *Рынка*, где наблюдается *и/ы* на месте ф.-перм., ф.-волж. **e*; возможно, сюда же р. *Ирыкиш*, р. *Ировка* в соответствии с мар. *ер* 'озеро'; есть случаи, когда можно говорить о сужении **o > у*, например н. п. и р. *Пуга*, р. *Руй*, р. *Рутка*, оз. *Шуван* и др.). Однако это не специфичное прапермское явление. Тенденция к сужению характерна для марийского языка, а также отмечается в южанской топонимии [см.: Матвеев, 2007, 174] и в вятской гидронимии на *-Vк/-Vг* (р. *Ирюк*, р. *Пыртюг*, р. *Пычуг*, р. *Сюныг*).

4. Можно предположить также отсутствие в языке-источнике у некоторых топонимов мягких *л'*, *н'* в начале слова, что с историко-фонетической точки зрения сближает часть субстратных «вятских» диалектов с марийским языком: р. *Лумпа*, р. *Лумпун*⁷, с твердым *л* вместо мягкого, представленного в пермских языках, ср. мар. *ломбо*, при к.-зыр. *лём*, удм. *лем* 'черемуха', переход **o > u* является следствием тенденции к сужению гласных; р. *Нылга*, р. *Нурма*, р. *Норма* (см. выше); заповедник *Нургуш* (оз. *Нургуж*, название озера, вероятно, первично) в болотистой местности в излучине р. Вятка, ср. мар. *нур* 'поле' (< **'болото'?*) [КЭСК, 201] при к.-зыр., удм. *нюр* 'болото' + формант *-гуж*, ср. мар. *куж* 'низина' либо праперм. **kǝʒ* 'излучина реки, залив' [КЭСК, 138], с озвончением *к > ɣ* после сонорного, что также характерно для марийского языка.

5. Для субстратных диалектов левобережья Вятки (ареал левобережной кировской лакуны) в отличие от правобережной южной части характерны две важные фонетические черты:

а) соответствие свистящих звуков *с/з* шипящим *ш/ж* в аналогичных основах, тяготеющих к правобережью Вятки южнее р. Пижма, например: р. *Кокса*, р. *Какс* и р. *Кокиша*, р. *Какиша*; р. *Сизма*, р. *Сизьма* и р. *Шижма*; н. п. *Сулвай* и р. *Шуля*; р. *Суна* и р. *Шунь*, р. *Шунангер*; р. *Сунда* и р. *Шундыш*, оз. *Шундерь*. Очевидно, что это соответствие в большинстве случаев связано с адаптацией топонимов в юго-западной части исследуемой территории марийским языком не позднее начала II тыс. н. э., когда в большинстве марийских диалектов происходил процесс изменения древних свистящих в шипящие;

б) соответствие корневых гласных *и/ы* лабиализованным гласным *о/у* в топонимах, тяготеющих к юго-западу, например: р. *Ишеть* и р. *Ошеть*, р. *Юшут* (мар. *Ўшўт*); р. *Нылга* и р. *Нолгаш*, р. *Нулговаж* (Долговяж); р. *Пикиша*, р. *Пикишнерка* и н. п. *Покста*, р. *Посташь*; р. *Рынка* и р. *Ронга*; возможно, сюда же р. *Рыбас* и р. *Рубеж*; р. *Сизьма*, р. *Шижма* и р. *Шошма*. Эта изоглосса, по всей видимости, древнее, чем изоглосса свистящих и шипящих, поскольку сам процесс лабиализации гласных в восточном ареале финских языков, очевидно, был более древним, чем процесс перехода свистящих в шипящие в марийском языке. Для вятской гидронимии на *-Vк/-Vг*, как мы отмечали выше, лабиализация не была характерна. В юго-западной части на правобережье Вятки необходимо предполагать уже достаточно рано присутствие диалектов с лабиализацией гласных, родственных диалектам, в которых этой лабиализации не было. Эти диалекты могли образовывать общий ареал с древнемарийскими диалектами,

⁷ Высказанное В. В. Напольских [2002, 97–98] мнение об этимологии р. *Лумпун* на основе древнеудмуртских данных как 'южный конец' хуже по семантическим соображениям, поскольку речка течет и впадает в р. Кильмезь с севера и в таких случаях речки обычно называются «северными», а не «южными». В этом топониме выделяется суффикс притяжательных прилагательных *-н(ь)*, очень продуктивный в волжско-финских (марийском и мордовском) языках.

причем такие факты, как р. *Поки́та* при мар. *писте* ‘липа’, свидетельствуют, что лабиализация в субстратных диалектах юго-запада исследуемой территории была более последовательна, чем в прамарийском языке⁸.

6. Как было отмечено выше, картографирование типичных пермских основ так же, как и картографирование топонимов с возможными удмуртскими топонимантами, подтверждает факт их отсутствия на левобережье среднего течения Вятки (левобережная Кировская лагуна). Эта левобережная Кировская лагуна, к которой по характеру топонимии тяготеет и русло нижнего течения Пижмы, где фиксируются основные памятники еманаевской культуры, не поддается объяснению, если причислять еманаевско-кочергинскую общность к прапермянам или древним удмуртам. При этом она находит логичные объяснения, если причислять «еманаевцев» к волжским финнам, чей язык характеризовался волжско-финскими фонетическими и морфологическими чертами при наличии некоторого числа лексических изоглосс, общих с пермскими языками. В пользу этого значительное количество волжско-финских этимологий субстратных топонимов, особенно из района нижнепижемской и левобережной Кировской лагун.

7. Вероятнее всего, в северной части региона, по правому и левому берегам р. Вятка выше р. Пижма «еманаевцы» перекрыли собой какой-то родственный саамскому севернофинский язык, с которым связан ареал южанской топонимии. Носители этого языка достаточно долго могли сохраняться в бассейне рек Ветлуги и Вятки (исторически «чудь», «чудские городки» по Вятке?) и контактировать с древними марийцами. Интересно в этом плане название н. п. *Мундор* на р. Вятка между устьем р. Быстрица и устьем р. Молома, ср. мар. *мўндыр* ‘дальний’, *мўндыр эл* ‘далекая страна’. Топонимы *Мундор*, *Мундырь* достаточно многочисленны и проходят полосой с запада на восток в Костромской области в пограничных районах древнемарийского и южанского («севернофинского») топонимических ареалов. Семантически значение ‘дальний’ очень напоминает этнонимическую модель — ср. *пермь*, *зырь*, этимологизируемые как ‘крайний’ [Матвеев, 1984]. Заманчиво высказать очень осторожную гипотезу, что так древние марийцы могли называть соседних южан-севернофиннов. С севернофинским, очевидно, связаны такие топонимы на юго-западе Кировской области, как р. *Тюмберь*, ср. урал. **δ'εте* (*δ'ōте*) [UEW, 65], прасаам. **δōтє*, саам. норв. *duobma*, колт. нотоз. *tuottma* ‘черемуха’ [YS, 32–33], мар. *ломбо* ‘черемуха’, *ломбер* ‘заросли черемухи»; р. *Кечкемеж*, ср. ф.-перм. **koška* ‘орел’ [UEW, 668], прасаам. **kōskētē* ‘орел’. Вероятнее всего, из севернофинского происходит и название р. *Кильмезь*, ср. ф.-перм. **kilmä* (*kūlmä*), саам. кильд. *kēlmas*, нотоз. *kēlmas* ‘холодный,

⁸ Есть основания предполагать, что такая лабиализация, шире, чем в современном марийском, была характерна для древних волжско-финских диалектов на правобережье среднего течения Волги, в том числе для древнемарийских диалектов на севере современной Чувашии. Ср. такие топонимы на правобережье Волги, как р. *Поштанарка*, р. *Пожанарка*, р. *Пукстерь*, н. п. (< *р.) *Рунги*.

студеный' [UEW, 663]. Севернофинские топонимические элементы, по-видимому, проникают далеко на восток, в западные районы Удмуртии, ср. два удмуртских микропонима, отмеченных Л. Е. Кирилловой в бассейне р. Кильмезь: лес *Домбо выр* и лес *Домбыр выр* [Кириллова, 2002, 136], — основа которых *домбо-* не объясняется из удмуртского, но может быть сопоставлена с данными, отражающими севернофинские фонетические особенности (звук *m-/d-* на месте этимологического **δ'*), ср. р. *Тюмберь* выше.

Пытаясь объяснить факт отсутствия явного пермского топонимического пласта на правобережье среднего течения Вятки, С. К. Белых в качестве главного аргумента приводит длительное двуязычие, в результате чего древние марийцы, ассимилируя местных удмуртов, якобы перевели названия древних удмуртов на свой язык, т. е. калькировали их [см.: Белых, 2009, 19–20]. Опыт исследования топонимии Русского Севера и Урала свидетельствует как раз об обратном: в районах, где происходила ассимиляция субстратного этноса и наблюдался этап длительного двуязычия, иноязычный топонимический субстрат сохранялся в огромном количестве (например, в бассейне р. Тавда в Свердловской области), а там, где длительное мирное соседство и двуязычие были под вопросом, субстратная топонимия сохранялась плохо (горная часть Среднего Урала). Естественно, факты калькирования географических названий при двуязычии также присутствуют, однако при этом полностью заменить собой субстратный топонимический пласт они ни в коем случае не могут, более того, такое калькирование обязательно проявляется в наличии метонимических калек. Однако на территории Марий Эл мы пока не можем указать ни одной пермско-марийской метонимической кальки.

Учитывая вышесказанное, можно сделать вывод о том, что факт отсутствия явного пермского топонимического субстратного пласта на территории Марий Эл при большом количестве немарийских по происхождению топонимов свидетельствует только об одном: предшественниками марийцев в междуречье Ветлуги и Вятки были не пермские племена.

Моделирование дифференцирующих пермских топонимов

	Топонимы на пермских (коми и удмуртских) территориях в русской адаптации	Значение, этимон [UEW и др.]	Сравнения с данными финно-угорских языков		Сравнения с топонимами с различными формантами в ареале еманаевской и кочергинской культур	Примечания
			Праперм. [КЭСК]	Доперм. [UEW]		
1	<i>Адэва</i> , н. п., <i>Адзиб</i> , н. п.	к.-зыр. <i>адз</i> 'долина, пойма реки'	* <i>až</i> 'луг'	FR, ? FU * <i>aśa</i> 'луг в пойме ручья, долина'	<i>Аджимка</i> , р., ср. праперм.	
2	<i>Айю</i> , р., <i>Айва</i> , р.	к.-зыр. <i>ай</i> 'отец', удм. <i>айы</i> 'то же'	* <i>ajs</i> 'родитель, отец'	FR * <i>äje</i>		
3	<i>Бадзьмиур</i> , р., <i>Бадзимурд</i> , н. п.	удм. <i>бадзьм</i> 'большой'				
4	<i>Бадью</i> , р., <i>Бадёль</i> , н. п., <i>Бадья</i> , н. п.	к.-зыр., удм. <i>бадь</i> 'ива'	* <i>bad'</i> / * <i>bajd'</i>	U * <i>paiz</i>	<i>Бадья</i> , р. <i>Байдуг</i> , р., ср. праперм.	
5	<i>Бадярвур</i> , н. п., <i>Бадьярово</i> , н. п.	удм. <i>бадяр</i> 'клен'				
6	<i>Вад</i> , н. п., <i>Вадьявож</i> , р.	к.-зыр. <i>вад</i> 'заболоченное лесное озеро'		* <i>wg-nt z</i> 'сырой, мокрый' [КЭСК, 46]		Топонимы с основой <i>вод-</i> надежнее сравнивать с мар. <i>одо</i> 'удмурт'
7	<i>Везаю</i> , р., <i>Везавоуж</i> , р., <i>Вожой</i> , р.	к.-зыр. <i>вежа</i> 'святой', удм. <i>вож</i> 'зеленый'	* <i>veža</i>	FR * <i>wiža</i> 'яд' > 'зеленый'	? <i>Вожинерь</i> , н. п.	Ср. также мар. <i>вож</i> 'корень' (разветвление), приток реки'

Продолжение таблицы

	Топонимы на пермских территориях в русской адаптации	Значение, этимон [UEW и др.]	Сравнения с данными финно-угорских языков		Сравнения с топонимами с различными формантами в ареале еманаевской и кочергинской культур	Примечания
			Прарем. [КЭСК]	Доперм. [UEW]		
8	Войвож, р., н. п., Ой-Пожум, н. п., Уйвай, р.	к.-зыр., вой, ой, удм. уй 'север'	* <i>ǰ</i> 'ночь'	FU * <i>eje</i> (<i>ije</i>) 'ночь'	? Воя, р. (течет с севера)	Может иметь и другие этимологии, ср. саам. -ой, -вой 'ручей' на Русском Севере
9	Важгорт, н. п., Вужгорт, н. п.	к.-зыр. важ, удм. вуж 'старый'	* <i>waž</i> (? * <i>wāž</i>)	FP * <i>wanša</i>		
10	Вылю, р., Вылынгурт, н. п.	к.-зыр. выв, удм. вылй, вылын 'верхний'	* <i>vül</i>	FU * <i>wilä</i> (<i>wilä</i>)		? Виль (мар. Вүйль), р., в топониме мягкий л' — см. основу выль 'новый'
11	Вылыб, н. п., Выльгурт, н. п.	к.-зыр., удм. выль 'новый'	* <i>vül</i>	FU * <i>wið'e</i>		Виль (мар. Вүйль), р., ср. прарем.
12	Гондырвай, р., н. п.	удм. гондыр 'медведь'	* <i>gondir</i> (< приб.-фин.)			
13	Гудырвож, р.	к.-зыр. гудыр 'мутный'	* <i>gšdʒr</i>			
14	Дзёль, н. п., Дзёлякерка, н. п.	к.-зыр. дзолья 'малый'	* <i>č'ol' / *č'ql'</i>			
15	Диасёръя, н. п., Диакось, порог	к.-зыр. di 'остров'				
16	Еджыдью, р., Еджыдъяг, н. п.	к.-зыр. еджыд 'белый'				

Продолжение таблицы

	Топонимы на пермских (коми и удмуртских) территориях в русской адаптации	Значение, этимон [UEW и др.]	Сравнения с данными финно-угорских языков		Сравнения с топонимами с различными формантами в ареале еманаевской и кочергинской культур	Примечания
			Праперм. [КЭСК]	Доперм. [UEW]		
17	<i>Йирва</i> , р., <i>Йирью</i> , р.	к.-зыр. <i>йир</i> 'омут'	<i>*jir</i>	? U <i>*jurma</i>	? <i>Ир</i> , р., <i>Ировка</i> , р. (мар. <i>Йыр вӱд</i>), <i>Ирка</i> , р., <i>Ирекиа</i> , р., <i>Ирыкиш</i> , р., <i>Ирыкиа</i> , р.	Ср. также мар. <i>ер</i> , <i>йӱр</i> 'озеро', практически все из названных речек связаны с озерами
18	<i>Ичет-Ляга</i> , р.	к.-зыр. <i>ичӧт</i> 'ма- лы', к.-зыр., удм. <i>кар</i> 'город, городи- ще'	<i>*ič'</i>	FP, ?FU <i>*ičä</i> (<i>ičä</i>)		
19	<i>Каргорт</i> , н. п., <i>Кармыльк</i> , н. п., <i>Карсурежь</i> , г., <i>Карйыл</i> , н. п.	к.-зыр., удм. <i>кар</i> 'город, городи- ще'	<i>*kar</i>		<i>Кара</i> , р., уроч.	Название <i>Карамас</i> , <i>Корамасы</i> , н. п., видимо, отантропонимиче- ское, ср. <i>Карамас-Пельга</i> , н. п. [Атаманов, 1997, 216]
20	<i>Катыдно</i> , н. п., <i>Катышор</i> , р.	к.-зыр. <i>катыд</i> 'верхний по течению'				
21	<i>Кешмустюр</i> , г., <i>Кионгон</i> , н. п., <i>Кионвугал</i> , лог	удм. <i>кӧйн</i> , <i>кион</i> 'волк'	<i>*kõin/*kion</i>			
22	<i>Косвож</i> , р., <i>Косью</i> , р., <i>Кешшур</i> , р.	к.-зыр. <i>кос</i> , удм. <i>кӧс</i> 'сухой'	<i>*kõsk</i>	FP <i>*koks3</i>	<i>Коса</i> , р., <i>Косинка</i> , р.	Есть основы <i>кокс-</i> , <i>каки-</i> , <i>коки-</i> , <i>куки-</i> , ср. допермскую форму и мар. <i>кукиш</i> 'сухой'
23	<i>Косью</i> , р., <i>Косьва</i> , р., <i>Кошки</i> , н. п.	к.-зыр. <i>кось</i> 'перекат', удм. <i>куась</i> 'мелкий (неглу- бокий)'	<i>*kwõs'</i>	FP <i>*koske</i> 'перекат'		Есть основа <i>каки-/кашк-</i> , ср. мар. <i>Г кашкы</i> 'перекат', <i>Л кишке</i> 'быстрый (о реке)'

Продолжение таблицы

	Топонимы на пермских (коми и удмуртских) территориях в русской адаптации	Значение, этимон [UEW и др.]	Сравнения с данными финно-угорских языков		Сравнения с топономами с различными формантами в ареале еманаевской и кочергинской культур	Примечания
			Праперм. [КЭСК]	Доперм. [UEW]		
24	<i>Кваиур</i> , р. <i>Квалуд</i> , н. п., <i>Кулагон</i> , уроч.	удм. <i>куа</i> , <i>куала</i> 'святилище'	* <i>kwaŋla</i> 'жи- лище'	FU * <i>koia</i> 'жилище'		
25	<i>Кыдзырасью</i> , р., <i>Кыдзкап</i> , н. п.	к.-зыр. <i>кыдз</i> удм. <i>кызыпу</i> 'береза'	* <i>kiž</i> '	FU * <i>kičz</i>		Р. <i>Кучэнер</i> , ср. доперм.
26	<i>Кырийев</i> , б. н. п., <i>Кырс</i> , н. п., <i>Кирс</i> , н. п., <i>Кырта</i> , н. п., <i>Кырув</i> , н. п., <i>Кырыл</i> , н. п.	к.-зыр. <i>кыр</i> 'гора', устар. к.-зыр. <i>кырс</i> 'обрывис- тый берег', к.-зыр. <i>кырт</i> 'скала', к.-зыр. <i>кырув</i> 'подножные горы'	* <i>kür</i> 'гора'	? FP * <i>kürz</i> (<i>ka</i>)		<i>Курба</i> , р., н. п., <i>Куртейка</i> (мар. <i>Куртъя</i>), р., <i>Куриша</i> , р., <i>Кюрэжа</i> (мар. <i>Күржэ</i>), р., ср. праперм.
27	<i>Лёкью</i> , р., <i>Лекиур</i> , н. п.	к.-зыр. <i>лэк</i> , удм. <i>лек</i> 'злой, плохой'	* <i>lɜk</i>			
28	<i>Лыая</i> , р., <i>Лыаты</i> , н. п., <i>Луовыр</i> , н. п.	к.-зыр. <i>лыа</i> , <i>лыва</i> , удм. <i>луо</i> 'песок'	* <i>liia</i>	FU * <i>liwa</i>	? <i>Луя</i> , р.	1. Возможна основа <i>луй-</i> , ср. <i>Луйка</i> (мар. <i>Луйэнер</i>), р. и мар. <i>луй</i> 'куница'. 2. Есть <i>Люя</i> , р., ср. праперм. 3. Есть основа <i>лов-/лу(в)-</i> (<i>Ловэнер</i> , р., <i>Лу вүд</i> , р.), ср. доперм.

Продолжение таблицы

	Топонимы на пермских (коми и удмуртских) территориях в русской адаптации	Значение, этимон [UEW и др.]	Сравнения с данными финно-угорских языков		Сравнения с топономами с различными формантами в ареале еманаевской и кочергинской культур	Примечания
			Праперм. [КЭСК]	Доперм. [UEW]		
29	<i>Лема</i> , р., <i>Лемью</i> , р., <i>Лемпувыр</i> , г.	к.-зыр., удм. <i>лъӧм(пу)</i> , ‘черемуха’	* <i>l̥om</i>	U * <i>δ'eme</i> (<i>δ'ōme</i>)	<i>Лема</i> , р., <i>Лемешка</i> , р.	1. Есть <i>Люмпанур</i> , н. п., <i>Люметь</i> , р., ср. праперм. 2. Есть <i>Тюмберь</i> , р., ср. доперм.
30	<i>Лунвож</i> , р., н. п., <i>Луниор</i> , р.	к.-зыр. <i>лун</i> , удм. диал. <i>лум</i> ‘южный’	* <i>lun</i>	Fr * <i>lowna</i>	Название <i>Лум</i> , р. не отвечает реалии (течет с востока)	
31	<i>Мичаю</i> , р., <i>Мичаёль</i> , н. п.	к.-зыр. <i>мича</i> ‘красивый’	* <i>mič'</i>			
32	<i>Мурнюк</i> , лог, <i>Мура</i> , р.	удм. <i>мур</i> ‘глубокий’				
33	<i>Ниаю</i> , р., <i>Ния</i> , р.	к.-зыр. <i>ниа</i> ‘лиственница’	* <i>ni̯ja</i>	FU * <i>näy3</i>		1. <i>Неньга</i> , р., ср. доперм. 2. ? <i>Нея</i> , р. в бассейне р. Вет- луга, ср. праперм., но также ср. <i>Нея</i> , р. в бассейне р. Унжа на «восточномерянской» террито- рии
34	<i>Нивью</i> , р., <i>Нившера</i> , р.	к.-зыр. <i>ньыӧпу</i> , удм. <i>ныылу</i> ‘пихта’	* <i>ni̯l-ri</i>	U * <i>ni̯lk3</i>		<i>Нылга</i> , р. и предполагаемый удмуртский воршуд <i>Нылга</i> , ср. доперм. и мар. <i>нулго</i> ‘пихта’

Продолжение таблицы

Топонимы на пермских (коми и удмуртских) территориях в русской адаптации	Значение, этимон [UEW и др.]	Сравнения с данными финно-угорских языков		Сравнения с топонимами с различными формантами в ареале еманаевской и кочергинской культур	Примечания
		Прарерм. [КЭСК]	Доперм. [UEW]		
35 <i>Ошмесвай</i> , р. <i>Эшмес</i> , р., н. п.,	к.-зыр. <i>öimöc</i> , удм. <i>ошмес</i> 'ключ, родник'	<i>*ōšmzs</i>		? <i>Ашмашка</i> , р. (Горномар. р-н Марий Эл)	Наличие далеко на юго-западе в соседних районах Чувашии <i>Ошмашка</i> , р. (приток р. Сура) может свидетельствовать о случайном звуковом совпадении с пермским словом
36 <i>Пельесь</i> , р., н. п.	к.-зыр. <i>пелысь</i> , удм. <i>патэзыпу</i> 'рябина'	<i>*pēliž' / *pēliž'</i>	FU <i>*pićla</i>	<i>Пилюска</i> , р.	1. <i>Пележдур</i> , н. п., ср. прарерм. 2. <i>Пислемка</i> , р., <i>Пижил</i> , р., ср. доперм. и мар. <i>пызле</i> , <i>пызылды</i> , морд. <i>Э пизэл</i> 'рябина'
37 <i>Пислег</i> , н. п., <i>Пислегуд</i> , н. п., <i>Пислегшур</i> , р.	удм. <i>пислэг</i> 'синица'	<i>*piśt- / *piśl-</i>			<i>Пуштовай</i> , н. п., (бассейн р. Кильмезь), ср. прарерм. и к.-зыр. <i>пыста</i> , <i>пыстог</i> 'синица'
38 <i>Пожемаяг</i> , н. п., <i>Пожмадор</i> , н. п., <i>Пужминка</i> , р., <i>Пужмоил</i> , н. п.	к.-зыр. <i>пожём</i> , удм. <i>пужым</i> 'сосна'	<i>*rožet</i>	FR <i>*rešä / *repšä</i>		Есть основа <i>пыч-</i> , а также <i>тыж-/пыж-</i> , ср. доперм. и морд. <i>тыче</i> , мар. Г <i>пынжэй</i> 'сосна'
39 <i>Пию</i> , р.	к.-зыр., удм. <i>питу</i> 'осина'	<i>*pi-ri</i>	U <i>*rojz</i>	? <i>Пинер</i> , р.	1. Форма требует проверки. 2. <i>Поек</i> , р. в нижнем течении р. Ветлуга, ср. доперм. и морд. <i>Э пой</i> 'осина'

Продолжение таблицы

	Топонимы на пермских (коми и удмуртских) территориях в русской адаптации	Значение, этимон [UEW и др.]	Сравнения с данными финно-угорских языков		Сравнения с топонимами с различными формантами в ареале еманаевской и кочергинской культур	Примечания
			Прарем. [КЭСК]	Доперм. [UEW]		
40	<i>Расью</i> , р., <i>Расчой</i> , н. п.	к.-зыр. <i>рас</i> 'роща'	общекоми * <i>ras</i>			
41	<i>Руч</i> , р., н. п., <i>Ручью</i> , р., <i>Ручьб</i> , н. п.	к.-зыр. <i>руч</i> , удм. <i>жичы</i> 'лиса'	* <i>ršč'</i>	FU * <i>gerä(-čz)</i>		<i>Рыбас</i> , р., <i>Рубеж</i> , р., ср. доперм. и мар. <i>рывыж</i> , морд. Э <i>ривесь</i> 'лиса'
42	<i>Сёйты</i> , н. п., <i>Сёйва</i> , р.	к.-зыр. <i>сёй</i> , удм. <i>слюй</i> 'глина'	* <i>šoj</i>	U * <i>šojwa</i>	? <i>Шой(ка)</i> , р. (3 объекта), <i>Шуй(ка)</i> , р. (5 объектов), ? <i>Шуйьер</i> , оз.	<i>C' > ш</i> на древнемарийской почве, однако почему-то нет соответствующих топонимов с начальным <i>с-</i> , поэтому может быть родственно прасаам. * <i>šōje</i> 'рябина'
43	<i>Сизяб</i> , н. п., <i>Сизь</i> (<i>Сизева</i>), н. п., <i>Сизь-гурт</i> , н. п., <i>Сизияур</i> , р.	к.-зыр., удм. <i>сизь</i> 'дятел'	* <i>s'iz'</i>	FP * <i>s'äšnä/</i> * <i>s'äčnä</i>	<i>Сизнер</i> , р., н. п. (мар. <i>Сизэннер</i> , р. и <i>Сизнур</i> , н. п.), <i>Сизэннер</i> , р., <i>Сиз ер</i> , оз.	
44	<i>Сорд</i> , н. п., <i>Сордью</i> , б. н. п., <i>Сорова</i> , р., <i>Суродвай</i> , р.	устар. к.-зыр. <i>сорд</i> , удм. <i>сурд</i> 'роща'	* <i>sörd</i>			Есть основа <i>сerd-</i> , ср. доперм. * <i>sertz</i> [КЭСК, 261]
45	<i>Сывью</i> , р., <i>Сылва</i> , р., <i>Сылиор</i> , р.	к.-зыр. <i>сыены</i> 'таять' (<i>сыв-</i> , <i>сыл-</i> 'талый')	* <i>sül-</i> 'таять'	FU * <i>sula</i>		<i>Шула</i> (мар. <i>Шүльб еўд</i>), р., <i>Шүльбер</i> , оз., <i>Сулвайка</i> , р., ср. прарем.

Продолжение таблицы

Топонимы на пермских (коми и удмуртских) территориях в русской адаптации	Значение, этимон [UEW и др.]	Сравнения с данными финно-угорских языков		Сравнения с топонимами с различными формантами в ареале еманаевской и кочергинской культур	Примечания
		Праперм. [КЭСК]	Доперм. [UEW]		
46 Турунвож, р., Турунью, н. п., Турынгурт, н. п.	к.-зыр. <i>турун</i> , удм. <i>турын</i> 'травя'	* <i>tuɾin</i>	FP * <i>taɾna</i>	? Туранча, р., непонятен исход -ча	
47 Тью, р., Тыдор, н. п.	к.-зыр., удм. <i>ты</i> 'озеро'	* <i>ti</i>	U * <i>towe</i>		
48 Тыловай, р., н. п., Тыловый, н. п., Тылошур, р.	удм. <i>тыло</i> 'под- лесок, роща'	* <i>tiɫa</i>		Тула, р., Тулубайка, р. (< * <i>Гуловай</i>), ср. праперм.	
49 Ула, н. п., Улыс-Том, р., Улынгурт, н. п.	к.-зыр. <i>улыс</i> , удм. <i>улы</i> , <i>улын</i> 'нижний'	* <i>ul</i> 'низ'	U * <i>ala</i>		
50 Чомъяшор, н. п., Чумберьяг, н. п., Чумлуд, н. п., Чумовай, н. п.	к.-зыр. <i>чом</i> , удм. <i>чум</i> 'шалаш' (< *'дом, жилище')	* <i>ʃom</i>		Чумбар, н. п., ? Чумоскваи, р.	Форму р. Чумоскваи необходимо уточнить
51 Чез, р., Чезгурт, н. п., Чешкор, б. н. п.	коми диал. <i>чӧж</i> , удм. <i>чӧж</i> 'утка'	* <i>ʃeʃ</i>	FU * <i>ʃeʃʃ</i> ~ * <i>ʃenʃʃ</i>	Чезеги, н. п., Чижское Болото, бол.	1. Топоним Чезеги, н. п., может быть также родственным пермскому слову со значением 'гусь', ср. к.-зыр. <i>дзодзӧг</i> , удм. <i>ӓзезег</i> , праперм. * <i>ʒʹoʒʹʒg</i> /* <i>ʒʹoʒʹʒk</i> 'гусь' [КЭСК, 91]. 2. Есть основа <i>шенъж-ишныи-</i> (мар. <i>шенне</i>), ср. доперм. и морд. <i>Э шенже</i> 'утка'

Окончание таблицы

	Топонимы на пермских (коми и удмуртских) территориях в русской адаптации	Значение, этимон [UEW и др.]	Сравнения с данными финно-угорских языков		Сравнения с топонимами с различными формантами в ареале еманаевской и кочегинской культур	Примечания
			Праперм. [КЭСК]	Доперм. [UEW]		
52	<i>Чукачой</i> , н. п., <i>Чукаыб</i> , н. п.	к.-зыр. <i>чук</i> 'вершина, маленькая возвышенность'	* <i>č'uk-</i>	U * <i>č'ukkz</i> 'холм, вершина, кончик'	<i>Чуксола</i> , н. п.	Для названия <i>Чуксола</i> , н. п., лучше общеперм. * <i>č'uk-</i> 'кри-вой, извилистый', к.-зыр. <i>чукль</i> 'изгиб, излучина', к.-перм. диал. <i>чукля</i> 'кривой, извилистый' [КЭСК, 313], так как деревня стоит у очень извилистой части русла р. Немда
53	<i>Шервож</i> , р., <i>Шэрьяг</i> , н. п., <i>Шоргурт</i> , н. п.	к.-зыр. <i>шөр</i> , удм. <i>шор</i> 'сред-ний'	* <i>šor</i>		? <i>Шерба</i> , р., <i>Шербаж</i> (<i>Шерваж</i>), н. п., <i>Шербашика</i> , р. – 2 объекта	Основа может иметь форму <i>шерб-</i> и быть родственной мар. <i>шөрва</i> , диал. <i>šerba</i> 'ясень' [КЭСК, 257]
54	<i>Ыджыдъяль</i> , н. п., <i>Ыджыдыяг</i> , н. п.	к.-зыр. <i>ыджыд</i> 'большой'	* <i>iž-</i>	ФР * <i>ičz</i> (<i>iičz</i>)		
55	<i>Югыдвож</i> , р., <i>Югыдъяль</i> , р., <i>Югыдыяг</i> , н. п.	к.-зыр. <i>югыд</i> 'светлый, чистый, прозрачный'	* <i>jög-</i> 'свет, сияние'	доперм. * <i>jsrkz</i> [КЭСК]	? <i>Югедем</i> , оз.	1. С точки зрения пермской версии непонятен исход -ем. 2. <i>Юнга</i> (мар. <i>Йынгы</i>), р., <i>Юньга</i> , н. п., ср. доперм. * <i>jsrkz</i> [КЭСК, 334]
56	<i>Юсь</i> , н. п.	к.-зыр. <i>юсь</i> 'лебедь'	* <i>jusk-</i>	ФР * <i>jorkše ~ jokše</i>		Есть основа <i>юки-</i> , ср. мар. <i>йўкшә</i> , <i>йўкшы</i> 'лебедь'

- Атаманов М. Г. Удмуртская ономастика / науч. ред. И. В. Тараканов. Ижевск : Удмуртия, 1988.
- Атаманов М. Г. Топонимические пласты Камско-Вятского междуречья в контексте формирования этнической территории удмуртов : науч. докл., представл. в качестве дис. ... д-ра филол. наук. Йошкар-Ола, 1996.
- Атаманов М. Г. История Удмуртии в географических названиях. Ижевск : Удмуртия, 1997.
- Афанасьев А. П. Топонимия Республики Коми : слов.-справ. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1996.
- Белых С. К. Пермско-марийские ареальные языковые связи: опыт исторической интерпретации [Электронный ресурс] // Иднакар. 2009. № 3 (7) / под ред. С. Л. Бехтерева. С. 5–24. URL: <http://www.idnakar.ru>
- Голдина Р. Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск : Удмурт. ун-т, 2004.
- Кириллова Л. Е. Микротопонимия бассейна Кильмези / науч. ред. В. К. Кельмаков. Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 2002.
- КРС — Коми-русский словарь / под ред. В. И. Лыткина. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1961.
- Кривошекова-Гантман А. С. Географические названия Верхнего Прикамья. Пермь : Перм. кн. изд-во, 1983.
- КЭСК — Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М. : Наука, 1970.
- Матвеев А. К. Еще об этимологии этнонима *зырянин* // Этимологические исследования. Вып. 3 / под ред. А. К. Матвеева. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1984. С. 79–90.
- Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера : в 3 ч. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001–2007. Ч. 1. Екатеринбург, 2001; Ч. 2. Екатеринбург, 2004; Ч. 3. Екатеринбург, 2007.
- Матвеев А. К. Ономотология. М. : Наука, 2006.
- Напольских В. В. «Угро-самодийская» топонимика в Прикамье: заблуждения и реальность // Древнетюркский мир: история и традиции. Казань : Ин-т истории Акад. наук Респ. Татарстан, 2002. С. 85–105.
- СМЯ — Словарь марийского языка : в 10 т. / под ред. И. С. Галкина, Н. И. Исанбаева и др. Йошкар-Ола : Мар. кн. изд-во : Мар. НИИ, 1990–2005.
- ТРМЭ — Воронцова О. П., Галкин И. С. Топонимика Республики Марий Эл: историко-этимологический анализ. Йошкар-Ола : Изд-во Мар. полиграфкомбината, 2002.
- Туркин А. И. Топонимический словарь Коми АССР. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1986.
- УРС — Удмуртско-русский словарь / под ред. В. М. Вахрушева. М. : Рус. яз., 1983.
- UEW — Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest : Akadémiai Kiadó, 1986–1991. Bd. 1–3.
- YS — Lehtiranta J. Yhteissaamelainen sanasto. Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 1989. (MSFOu 200).

Рукопись поступила в редакцию 18.12.2012 г.

* * *

Смирнов Олег Витальевич
кандидат филологических наук,
начальник Центра управления проектами
ЗАО «РСГ-Академическое»
620016, Екатеринбург, ул. Павла Шаманова,
д. 22, комн. 221; тел. +7 912 242 06 57
E-mail: ovsmirnov@mail.ru

Smirnov, Oleg Vitalyevich
PhD, head of the Project Development
Centre, JSC “RSG-Akademicheskoye”
22, Pavel Shamanov st., office 221,
620016, Ekaterinburg;
tel. +7 912 242 06 57
E-mail: ovsmirnov@mail.ru

**ON THE PERMIC TOPONYMIC SUBSTRATE IN MARI EL
AND IN THE MIDDLE COURSE OF THE VYATKA RIVER
(IN THE LIGHT OF THE ETHNIC INTERPRETATION
OF ARCHAEOLOGICAL CULTURES). 2***

The second part of the paper continues the analysis of the substrate (pre-Mari and pre-Russian) toponymy of the Emanayevskaya and Kocherghinskaya archaeological cultures area of the late 1st — early 2nd millennium AD (in the middle course of the Vyatka River and the territory of the Mari El Republic) in order to verify the hypothesis about the colonization of the areas in question by the ancient Permic (ancient Udmurt) people. In this part the author analyzes toponymic stems using the method of ethnic modelling of substrate toponymy based on the method of semantic modelling developed by A. K. Matveyev. The method applied in this paper consists in the isolation of typical differential stems used in the toponymy of the modern Permic languages and their comparison with the substrate toponymy of the studied area. This analysis confirms the suggestion made in the first part of the paper about the non-Permic origin of the majority of substrate place names of the Vyatka River and the territory of Mari El as well as of the Emanayevskaya and Kocherghinskaya archaeological cultures of the 2nd half of the 1st millennium AD. The mapping of the results of “Permic” ethnic modelling confirms the presence of a wide lacuna characterized by the absence of typically Permic differential stems in the area of the main remains of the Emanayevskaya and Kocherghinskaya archaeological cultures. On the contrary, the major portion of the substrate place names on this territory have more affinity with the Volga-Fennic and, partly, with the Sami and Balto-Fennic languages. The author suggests that the population of the Emanayevskaya culture spoke an unknown extinct Finno-Permic language, being a Volga-Fennic one or a transitive language combining Volga-Fennic and Permic features, or a group of such dialects or languages. The article focuses on some phonetic characteristics of this language (group of languages) as reflected in the toponymy.

Key words: Finno-Ugric languages, Volga-Fennic languages, Permic languages, substrate toponymy, Middle Volga Region, Mari El, Kirov Region, ethnogenesis of the Permic peoples, archaeological cultures of Vyatka River basin, Emanayevskaya culture, Kocherghinskaya culture.

- Afanasyev, A. P. (1996). *Toponimiia Respubliki Komi: slov.-sprav.* [Toponymy of the Komi Republic: A Reference Dictionary]. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo.
- Atamanov, M. G. (1988). *Udmurtskaia onomastika* [Udmurt Onomastics]. Izhevsk: Udmurtiia.
- Atamanov, M. G. (1996). *Toponimicheskie plasty Kamsko-Viatskogo mezhdurech'ia v kontekste formirovaniia etnicheskoi territorii udmurtov* [Toponymic Stratification of the Kama-Vyatka Interfluvium in the Formation Context of the Udmurt Ethnic Permic Sources of Udmurt Ethnogenesis Territory] (Habilitation thesis). Yoshkar-Ola: Mari State University.
- Atamanov, M. G. (1997). *Istoriia Udmurtii v geograficheskikh nazvaniakh* [History of Udmurtia in the Mirror of Geographic Names]. Izhevsk: Udmurtiia.

* The first part of the paper was published in *Voprosy onomastiki (Problems of Onomastics)*, 2013, 2 (15), 7–59.

- Belykh, S. K. (2009). Permsko-mariiskie areal'nye iazykovye svyazi: opyt istoricheskoi interpretatsii [Mari-Permian Areal Language Connections: A Historical Interpretation]. *Idnakar*, 3(7), 5–24. Retrieved from: <http://www.idnakar.ru>
- Galkin, I. S., & Isanbaev, N. I. (Eds.). (1990–2005). *Slovar' mariiskogo iazyka* [A Dictionary of the Mari Language] (Vols. 1–10). Yoshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo; Mar. NII.
- Goldina, R. D. (2004). *Drevniia i srednevekovaia istoriia udmurtskogo naroda* [Ancient and Medieval History of the Udmurt People]. Izhevsk: Udmurt University Press.
- Kirillova, L. E. (2002). *Mikrotoponimiia basseina Kil'mezi* [Microtoponymy of the Kilmez Basin]. Izhevsk: UIIIaL UrO RAN.
- Krivoshchekova-Gantman, A. S. (1983). *Geograficheskie nazvaniia Verkhnego Prikam'ia* [Geographic Names of Upper Kama Region]. Perm: Perm. kn. izd-vo.
- Lehtiranta, J. (1989). *Yhteissaamelainen sanasto* [Common Saami Vocabulary]. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Lytkin, V. I. (Ed.). (1961). *Komi-russkii slovar'* [Komi-Russian Dictionary]. Moscow: Gos. izd-vo inostr. i nats. slovarei.
- Lytkin, V. I., & Guliaev E. S. (1970). *Kratkii etimologicheskii slovar' komi iazyka* [A Concise Dictionary of the Komi Language]. Moscow: Nauka.
- Matveyev, A. K. (1984). Eshche ob etimologii etnonima zyrianin [Once Again about the Etymology of the Ethnonym Zyrian]. In A. K. Matveyev (Ed.), *Etimologicheskie issledovaniia* [Etymological Inquiries] (Issue 3, pp. 79–90). Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta.
- Matveyev, A. K. (2001–2007). *Substratnaia toponimiia Russkogo Severa* [Substrate Toponymy of the Russian North] (Vols. 1–3). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta.
- Matveyev, A. K. (2006). *Onomatologiia* [Onomatology]. Moscow: Nauka.
- Napolskikh, V. V. (2002). «Ugro-samodiiskaia» toponimika v Prikam'e: zabluzhdeniia i real'nost' ["Ugro-Samoyedic" Toponymy in the Kama River Region: Delusions and Reality]. In A. A. Arslanova, L. F. Baibulatova, & I. K. Zagidullin (Eds.), *Drevnetiurkskii mir: istoriia i traditsii* [The World of the Old Turkic Peoples] (pp. 85–105). Kazan: [s. n.].
- Rédei, K. (1986–1991). *Uralisches etymologisches Wörterbuch* [An Etymological Dictionary of the Uralic Languages] (Vols. 1–3). Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Turkin, A. I. (1986). *Toponimicheskii slovar' Komi ASSR* [A Toponymic Dictionary of the Komi Republic]. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo.
- Vakhrushev, V. M. (Ed.). (1983). *Udmurtsko-russkii slovar'* [An Udmurt-Russian Dictionary]. Moscow: Rus. iaz.
- Vorontsova, O. P., & Galkin, I. S. (2002). *Toponimika Respubliki Marii El: istoriko-etimologicheskii analiz* [Toponymy of the Mari-El Republic: Historical and Etymological Analysis]. Yoshkar-Ola: Izd-vo Mar. poligrafkombinata.

Received 18 December 2012